

*В.М. Мазырин*

## МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ВЬЕТНАМ (ДИСКУССИЯ С АВСТРАЛИЙСКИМ УЧЕНЫМ ОБ ИСТОКАХ ПОЛИТИКИ «ДОЙ МОЙ»)

В статье изложены основные вопросы дискуссии с известным австралийским вьетнамоведом Адамом Фьордом о воздействии СССР/России на политику Компартии Вьетнама до и после объединения страны и мифах на эту тему, распространенных на Западе<sup>1</sup>.

Анализ выявил непонимание и намеренное искажение частью ученых и политиков западных стран реального характера советско-вьетнамских отношений и механизмов принятия решений в КПВ. Участники дискуссии пришли к выводу о высокой самостоятельности внутренней и внешней политики вьетнамского руководства, хотя разошлись в оценке степени этой самостоятельности и истоков самого феномена обновления.

В ряду факторов, обусловивших рождение политики «Дой мой» и, прежде всего, переход к рыночной экономике, рассмотрены как внутренние причины, так и внешние воздействия. Среди первых отмечены движение на местах по развитию частной инициативы и предпринимательства в 1970—1980-е годы, необходимость преодоления кризиса административно-командной системы, ко вторым отнесены особенности экономической помощи ДРВ/СРВ со стороны СССР.

*Ключевые слова:* Адам Фьорд, западные мифы, советское влияние, Компартия Вьетнама, переход к рыночной экономике, демонстрационный эффект.

The paper presents main issues of discussions with famous Australian scholar on Vietnam Adam Fforde concerning the USSR/Russia impact on Communist party of Vietnam policy before and after the unification of the country and the myths on this subject widespread in the West.

The analysis revealed the misunderstanding and intentional falsification by part of Western scholars and politicians of the real nature of Soviet-Vietnam relations and decision-making mechanisms in the CPV. The dialog partners made a conclusion about high reliance of internal and external policy of Vietnam leadership, though differed while assessing the degree of its independence and the origins of renovation phenomenon.

Identifying a number of factors that determined the policy of «Doi Moi» and, above all, the transition to a market economy, the authors examine internal causes and external influences. Due to the first group they specify some movements on the ground aiming at the development of private initiative and entrepreneurship in 1970—80's, and the need to overcome the crisis of administrative-command system, the second group contains the features of Soviet economic assistance to the DRV and the SR of Vietnam.

*Keywords:* Adam Fforde, Western myths, Soviet influence, Communist party of Vietnam, transition to a market economy, demonstration effect.

## Введение

Рождение политики «Дой мой» А. Фьорд считает «сложной и до сих пор плохо осмысленной историей». Поэтому в ее исследовании он предложил опираться на ценные свидетельства очевидцев — живых первоисточников, что мы только приветствовали. В этом качестве выступили российские ученые, долго работавшие во Вьетнаме и в сфере двустороннего сотрудничества — Евгений Глазунов, Григорий Локшин, Евгений Кобелев, которые поделились своими воспоминаниями и оценками. Мнения этих экспертов сравнивались с оценками-клише западной науки.

Акцент в исследовании был сделан прежде всего на экономических процессах, но и иные факторы признаны важными для понимания прошлого. В частности, учтены исторический контекст событий, степень вовлеченности в них СССР. Отмечено, что после

признания Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) на дипломатическом уровне Советским Союзом и Китаем в 1950 г. и ухода французов в 1954 г. СССР начал оказывать ей материально-техническую помощь. Он стал играть решающую роль после раздела страны и ввода регулярных войск США на Юг Вьетнама в 1965 г. Это в значительной степени определило характер развития ДРВ в годы первой пятилетки (1961—1965). После объединения страны в 1975 г. под названием Социалистическая Республика Вьетнам в ходе выполнения второй пятилетки (1976—1980) китайская и западная помощь была сокращена до минимума. В результате СССР стал доминировать среди партнеров Вьетнама до своего распада в 1991 г. В конце 1980-х годов произошло сокращение советской помощи Вьетнаму.

Советская поддержка вначале ДРВ, затем СРВ, таким образом, охватила примерно 35-летний период. На протяжении части этого периода — до китайско-советского раскола в 1960 г., в годы войны (1965—1972) и до пограничного конфликта с Вьетнамом в 1979 г. — Китай являлся важным источником поддержки. Поэтому каждый период имеет большие отличия с точки зрения глубины советского влияния.

## Влияние сталинской модели на реформирование экономики ДРВ

Во вьетнамских исследованиях на Западе существует устойчивый миф о том, что развитие экономики ДРВ до 1975 г. определялось сталинской экономической моделью. Согласно этой точке зрения экономические преобразования в стране велись по лекалам, выработанным Сталиным еще во время первой советской пятилетки (1928—1932), а материально-техническая помощь Советского Союза ДРВ носила принудительный характер.

Однако тезис о принуждении не выдерживает критики, и А. Фьорд с полным основанием подвергает его сомнению. О каком принуждении идет речь, если вождь вьетнамской революции Хо Ши Мин был инициатором и горячим сторонником советской помощи.

Что касается сталинской модели или логики, то полагаем, что они по объективным причинам не могли не найти применения в экономической политике ДРВ, хотя и действовали ограниченно. На практике советские принципы внедрялись непоследовательно, не очень строго, так как реальные условия этого не позволяли: в 1955—1960 гг. ввиду сложностей послевоенного восстановления и постколониального переустройства экономики, в 1965—1975 гг. вследствие войны. В ответ на наши аргументы Фьорд признал различия между оригинальной сталинской моделью и реалиями СССР этого периода и предложил назвать их «постсталинской моделью»<sup>2</sup>, что, конечно, нельзя считать полным согласием.

По нашему мнению, ДРВ объективно нуждалась в отдельных методах революционного переустройства общества, применявшихся в раннем СССР. Политическое принуждение и насилие были необходимы для проведения форсированной индустриализации в 1961—1965 гг. под лозунгом диктатуры пролетариата и путем коллективизации деревни для изъятия риса и другой аграрной продукции у крестьян через кооперативы. Поскольку свободный рынок был тогда слаб и не мог удовлетворить потребности, его приходилось ограничивать, а доходы населения вынужденно поддерживать на минимуме в целях максимального накопления. Важно также, что это не принимало таких крайних форм, как в СССР в 1930—1940-е годы или в Китае в период «культурной революции» и политики «Большого скачка».

К тому же господствовавшие в СССР основные экономические идеи уже в 1960-е годы вряд ли можно называть «сталинскими». В самом СССР с 1956 г., и особенно после XX съезда КПСС (1960 г.), они были видоизменены (велись поиски, реформы), поэтому в прежнем виде не могли рекомендоваться Ханю для копирования. Н. Хрущёв, а затем и Л. Брежнев пытались внести в практику строительства социализма усовершенствования, включая попытку перевести госпредприятия на хозрасчет, предпринятую правительством А. Косыгина в 1964 г.

Сам Фьорд признает, что доклад Хрущёва 1956 г. «создал определенные аргументы против строгого соблюдения жестких сталинских экономических принципов, повлиял на выработку первых про-

грамм развития ДРВ, начиная с трехлетнего плана 1958—1960 гг.». Как полагает австралийский коллега, такому ходу событий способствовали сделанные первыми советскими экспертами на основе изучения реалий ДРВ и ее культуры выводы о нецелесообразности бескомпромиссного подхода, а также их политические аргументы, которые они могли представить в Москве.

О том, какие негативные последствия может вызвать насильственное применение советских идеологием в других странах, руководство СССР поняло на примере событий в Венгрии в 1956 г. и Чехословакии в 1968 г. Наше ощущение о том, что давление Москвы было сдержанным, подтверждает и опыт Югославии. КПСС мирилась с построением И. Броз Тито социализма по собственным рецептам, более того, отдельные стороны опыта его реформ перенимались. Так что реальность состоит в том, что «сталинской модели» в 1960—1970-е годы уже не было и соцстраны могли экспериментировать, «смягчать» в ней то, что считали нужным. Принудительно советские рецепты, как минимум некоторым соцстранам, в том числе и ДРВ, не навязывались.

Мы, так же, как и А. Фьорд, считаем, что советская программа помощи способствовала смягчению тягот населения ДРВ и решению актуальных хозяйственных задач, тем самым снижая негативные последствия войны и революционных преобразований. В пользу этого говорит тот факт, что за 1954—1964 гг. ДРВ получила в форме безвозмездной помощи и долгосрочных кредитов от СССР почти 750 млн руб., в счет чего построила полностью или частично 92 промышленных объекта, восстановив и развив эту отрасль<sup>3</sup>.

### Советские рекомендации по строительству социализма в ДРВ

Второй миф, популярный на Западе, состоит в том, что с начала 1950-х годов в Посольстве СССР и других учреждениях в ДРВ появились говорящие по-вьетнамски эксперты, которые оказывали влияние на принятие решений Политбюро, Секретариата ЦК ПТВ и других политических учреждений. Фьорд полагает, что эти эксперты

«могли давать комментарии к документам и проектам резолюций, а также транслировать советы [руководства СССР] через неформальные контакты с вьетнамскими политическими лидерами».

Этот домысел опровергают наши первоисточники. По свидетельству Е. Кобелева, до начала 1960-х годов в СССР не было экспертов, знающих вьетнамский язык (первая группа советских студентов, в которую входил сам Е. Кобелев, приехала учиться в Ханой только в 1956 г.). Поэтому они по определению не могли выступать в качестве советников и влиять на решения Политбюро. Советы давали сотрудники Посольства и экономических миссий СССР, но они не знали языка и слабо понимали вьетнамские реалии.

Кроме того, как сообщают свидетели, во многих важных ситуациях от вьетнамского руководства не только не поступало просьб о согласовании документов, но советская сторона узнавала постфактум о принятых ПТВ решениях, причем «китайский фактор» тут был не причем (в том смысле, что советы давали не мы, а китайцы). Вот что, например, пишет Е. Глазунов о событиях конечного периода войны, когда он приехал в Ханой в 1974 г. с инспекционной миссией от ЦК КПСС:

*«...по опубликованным в газетах материалам сессии Национального собрания ДРВ и выступлению Первого секретаря ЦК ПТВ Ле Зуана ... можно было составить представление о решениях... (сформулировано мной. — В.М.) пленума, определившего основные задачи и направления предстоящего развития экономики Вьетнама» (ДРВ в 1974—1975 гг. — Ред.)<sup>4</sup>.*

Третий очень распространенный в связи с этим миф состоит в том, что по нашим лекалам в ДРВ уже в 1950-е годы начали строить социализм. Однако документы указывают на обратное, о чем мы ранее высказывались<sup>5</sup>:

*«...Основополагающие моменты экономической политики партии были заложены в решениях ее II съезда (февраль 1951 г.). Хо Ши Мин поставил в экономическом разделе задачи развития всех отраслей народного хозяйства на базе сочетания общественных и частных интересов, формирования основ для создания государственного и кооперативного секторов экономики, поощрения деятельности национальной*

*буржуазии в нужном направлении. В разделе, касающемся аграрного вопроса, указывалось на целесообразность подготовки условий для постепенного наделения каждого крестьянина земельным участком...»*

В целом, говоря языком политэкономии, Хо Ши Мин взял курс на развитие в ДРВ многоукладной экономики, включая мелкотоварный и капиталистический секторы, что не укладывается в советские представления о социализме. В первой половине 1950-х годов и даже в период трехлетнего плана преобразований в экономике и культуре (1958—1960) в ДРВ решали прежде всего задачи завершения *национально-демократической* революции. Тем более, социалистические преобразования не характерны для трехлетнего плана восстановления экономики 1955—1957 гг. Помогать решению этих задач советские эксперты могли, но вряд ли успешно, поскольку в России революция не прошла через эту стадию.

В 1960-е годы с учебы в СССР начали возвращаться дипломированные специалисты-вьетнамцы, которые получили начальные знания о советской экономической теории и практике. Однако сомнительно, что руководство ПТВ спрашивало советы на таком уровне у молодых людей, только что вернувшихся из-за границы (не будем забывать, что часть из них тогда направлялась на «перевоспитание» в деревню).

## Этапы социально-экономических реформ и влияние СССР

*Земельная реформа и переустройство деревни в 1950—1960-е годы*

Не вызвало сомнений, что интерпретация переустройства северо-вьетнамской деревни в 1950—1960-е годы, особенно на начальном этапе, возможных последствий и значения этого процесса важны для объективной оценки поднятых в нашем исследовании проблем.

Констатировано, что земельная реформа в годы войны Соппротивления (1946—1954) проводилась в целом демократично, не по сталинским рецептам. Реализация в ДРВ лозунга «Земля тем, кто ее обрабатывает» позволила максимально расширить социальную базу

революции среди крестьян. Как считает Фьорд, такая политика опиралась на опыт прошлого, когда в рамках сельской общины местные интересы согласовывались с вышестоящей властью. В этом он видит причину того, что антифранцузские и зажиточные слои деревни выжили. Мы же аргументируем, что реформа и не преследовала цель «ликвидировать реальных и потенциальных врагов социалистического режима», поскольку он еще не возник. Важно, что в отличие от советской практики 1930-х годов кулаки и тем более середняки не подвергались репрессиям. Характерно, что земельная реформа во многом предшествовала периоду советской помощи, консультации при ее проведении давали в основном китайские советники. Как следствие, были допущены «левые перегибы», которые, по нашему мнению, были устранены с помощью КПСС, имевшей в этом отношении богатый опыт. К тому же земельная реформа на Севере освободила большинство крестьян от непосильных налогов<sup>6</sup> (и — не забудем — от зависимости от ростовщиков), ограничив арендную плату и единый сельхозналог традиционной нормой в 25 %. Такое «изъятие риса», в терминах Фьорда, не могло подорвать доходы крестьян.

Что касается кооперирования деревни как формы социалистических преобразований, то западные исследователи игнорируют его поэтапный и осторожный характер. На начало 1950 г. в ДРВ преобладали группы трудовой взаимопомощи (их насчитывалось 27,2 тыс.<sup>7</sup>), в которых орудия труда, земля, произведенные продукты оставались частной собственностью, но использовались коллективно. Кооперативы высшего типа — с полным обобществлением имущества и трудовых операций — в то время создавались экспериментально с участием беднейших крестьян (и их количество составило 1562) и не были широко распространены даже через 10 лет. В конце 1960 г. кооперативными формами хозяйства было охвачено более 85 % крестьянских дворов, занимавших 68 % земельной площади. Из этого числа лишь около 12 % вступило в кооперативы высшей ступени — абсолютно преобладали хозяйства простейших форм типа трудовой кооперации. В городах более 250 тыс. ремесленников (87 %) и 105 тыс. мелких торговцев (45 %) также вошли в кооперативы, преимущественно низшей ступени<sup>8</sup>. Кооперативы высшего типа стали

главной формой организации аграрного производства лишь с 1965 года. Критикуя социалистические преобразования, наши оппоненты не учитывают, что крестьяне Северного Вьетнама не смогли бы выжить, накормить себя, город и армию без коллективной организации, и государство им в этом помогало.

*Трехлетний план (1958—1960) и внедрение советских институтов экономического развития*

Фьорд подверг сомнению экономическую эффективность кооперативов, государственных предприятий, ограничения частной торговли, указывая на искажение «стоимостных отношений» при реализации аграрной продукции жителям города, подрыв баланса между потреблением и накоплением при упоре на импорт в ущерб экспорту. Эти подходы, по его оценке, возобладали и при составлении плана первой пятилетки.

Мы согласились с тем, что выработка, выполнение первого пятилетнего плана опирались на советы и помощь СССР, и в те годы ДРВ действительно приступила к строительству социализма. Причем, масштабы этого влияния были больше, чем в годы второго трехлетнего плана (1958—1960). В целом за 7-8 лет были реализованы основные идеи советской модели: создание госсектора и развитие госпредприятий, индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, ограничение частного сектора, в том числе в торговле. В то же время мы обратили внимание на то, что данные задачи не выполнялись в ДРВ в полном объеме *ввиду войны*, когда главным было поддержание хозяйственной активности на Севере и помощь братьям на Юге в борьбе за освобождение. Это во многом снижало чисто экономическую эффективность новых институтов развития. Несмотря на формирование госсектора в промышленности и торговле, мелкое кустарное производство, частная торговля и услуги сохранялись в больших масштабах, чем в СССР до 1985 г. Кооперирование деревни не было завершено до конца 1970-х годов, и, хотя экономическая заинтересованность крестьян и отдача коллективных хозяйств были низкими, деревня сыграла роль надежного тыла городов и фронта.

*Приоритет развитию тяжелой промышленности в годы первой пятилетки и изменения в структуре материальной помощи СССР*

Касаясь пятилетки 1961—1965 гг., Фьорд акцентировал перекоп в сторону тяжелой промышленности и смещение советской материальной помощи в сторону поставок потребительских товаров. Он считал это причиной утраты властями ДРВ контроля над сельским населением, необходимого в рамках сталинской экономической логики. По мнению Фьорда, рабочие на новых заводах, жители городов, как правило, в большей степени полагались на программу помощи, чем на «закупки» продовольствия в деревне. В итоге в начале 1960-х годов цены на свободном рынке риса выросли, произошло расширение товарообмена. Вопреки всему, это позволило экономике Севера «сохранить обе ноги».

Мы не находим оснований для утверждения о недостатке контроля со стороны Ханоя над сельской территорией. Без полной опоры на большинство населения — крестьян — не удалось бы отстоять завоевания революции. Основа успехов — широкий национальный фронт. Разрушение промышленного потенциала ДРВ американскими бомбардировками и отправка помощи и живой силы на Юг в 1965—1968 гг. делали невозможным восстановление и функционирование промпроизводства в условиях войны. Поэтому советские поставки были перенацелены на потребительские товары и продовольствие, чтобы поддержать уровень жизни населения, особенно рабочих предприятий, служащих. Деревня выжила за счет самообеспечения и свободного рынка, не выполняя госпоставки в достаточном объеме. Если в ДРВ в этот период и применялись сталинские рецепты, то по линии опыта перевода экономики на военные рельсы и концентрации сил для военной победы, накопленного в годы Второй мировой войны. Таким образом, советская помощь поощряла движение северовьетнамской экономики в рыночном направлении де-факто, в чем оба автора согласны, иначе это противоречило бы классической теории построения социализма.

Что касается курса идти «на двух ногах», то его выдвинул Хо Ши Мин в целях рационального сочетания промышленного и аграрного секторов в условиях войны, по сути против перекопов индустриализации.

Он говорил: «Сельское хозяйство и промышленность — это две ноги, на которых стоит наша экономика. Если обе ноги здоровы и ходят ровно, то движение будет быстрым и скоро достигнет цели»<sup>9</sup>.

*«...После начала воздушных бомбардировок США территории Северного Вьетнама в 1965 г. правительство ДРВ проводило экономический курс, отвечающий условиям военного времени. Была проведена децентрализация, сделан акцент на развитие местной экономики — отраслей сельского хозяйства и промышленности местного подчинения. Приоритетной стала задача самообеспечения продовольствием и предметами широкого потребления в масштабах провинции. Тем самым каждый крупный город и провинция были превращены в экономические и планируемые единицы»<sup>10</sup>.*

*Сокращение посевных площадей и программа импорта продуктов питания (конец 1960-х годов)*

Ссылаясь на свидетельство вьетнамского исследователя Динь Тху Кук, Фьорд упоминает резкое сокращение коллективных угодий под рисом в 1968 г. вследствие выделения 5 % земельного клина кооперативов их членам под подсобное хозяйство<sup>11</sup>. В столь верном решении, проведенном сверху, он также видит отход от сталинской экономической модели. В пользу своего тезиса Фьорд приводит и первую историю «семейного подряда» в общине Кимнгок (уезд Лапхатх провинции Виньфук), ставшую логическим, хотя и стихийным продолжением этой политики. Притом отказ властей ДРВ от принуждения он связывает с большой продовольственной помощью со стороны Советского Союза. Главный же результат реформы Фьорд видит в формировании к 1970 г. на Севере большого свободного рынка продуктов питания при сокращении их госзакупки у кооперативов.

Мы расценили это как еще одно подтверждение того, что руководство ДРВ не полностью следовало «сталинской логике». Реформа выявила, что члены кооперативов способны удовлетворить на скромном приусадебном участке около 2/3 своих потребностей за счет более высокой интенсивности труда и производительности. Такое открытие и стало главным аргументом для более радикального перевода деревни на систему семейного подряда позже.

Нами отмечена не признаваемая Фьордом положительная в то время роль госзакупки основных и дополнительных продуктов у крестьян. Они были нужны для нормированного снабжения рабочих, государственных и военнослужащих, членов их семей в городах по ценам ниже рынка. По карточкам эти группы населения фактически получали добавку к зарплате в натуральной форме, а продавая часть семейного пайка на рынке (на одного взрослого в месяц выдавалось от 13 до 20 кг риса, что превышало все потребности в этом продукте), имели дополнительный доход. Государственная поддержка означает особую заботу о классовой основе компартии — рабочих, не забывает она и о союзнике — трудовом крестьянстве.

В данном случае налицо не отход от сталинской экономической модели в ДРВ, а проведение прагматических мер по решению насущных задач всеми доступными способами. Так, в военное время мелкое производство и торговля помогли сократить потери от военных разрушений менее уязвимых для авиации США объектов. Доля инвестиций в такую «местную экономику» от их общего объема увеличилась с 19,7 % в начале 1960-х годов до 30,6 % в 1965—1968 гг. и 36 % в 1972 г.<sup>12</sup>

*«Послабления» военного времени в коллективном сельском хозяйстве и новая система управления 1972 г.*

Как полагает наш критик, образцом отнюдь не либеральной политики ПТВ и применения рекомендаций советских экспертов было расширение кооперативов до масштаба сельской общины. Действительно, руководство ДРВ следовало принципу перестройки аграрной отрасли: чем крупнее хозяйство, тем прогрессивнее производственные отношения и «ближе» к социализму. С точки зрения эффективности производства и экономического управления это решение для Вьетнама того времени было вынужденным. Тогда и отчасти сейчас агротехника земледелия, особенно рисоводства, позволяет успешно вести только мелкое хозяйство. Однако на завершающем этапе войны и сразу после нее, когда экономика была децентрализована, такая мера облегчала административное управление нижним звеном — общиной и решение в рамках него производственных задач. Кроме того, в общине действовали также ремесленные мастер-

ские, кустарные и торговые предприятия, что позволяло вести управление ими из единого центра — администрации общины и кооператива.

*Провал второй пятилетки и первые рыночные эксперименты в 1976—1981 гг.*

Касательно второй пятилетки (1976—1980) А. Фьорд высказал два мнения, справедливость которых сложно опровергнуть. Он расценил итоги пятилетки как провал, а решения пленума ЦК КПВ в декабре 1979 г. и Постановление Правительства № 25 (январь 1981 г.) о переводе государственных предприятий на хозрасчет, повлекшие бум рыночных новаций, как предмет недовольства со стороны Советского Союза. Оба замечания острокритичны на фоне того, что СССР в это время стал единственным донором и маяком строительства социализма в СРВ. Постановление № 25-СР оказалось радикальным с точки зрения советского мышления, более продвинутым, чем реформы Косыгина, причем оно было принято еще до смерти Брежнева в 1982 г.

Действительно, второй пятилетний план не был выполнен прежде всего ввиду того, что он был составлен без объективной оценки возможностей и проблем страны, намного завышен по большинству показателей. Виновата ли тут КПСС, большой вопрос. В этом деле именно руководство КПВ проявило «головокружение от успехов» после победы в тяжелой войне. Ведь ставка оправдывала курс: на IV съезде КПВ (1976 г.) была поставлена задача в основном завершить создание материально-технической базы социализма во Вьетнаме всего за 20—25 лет, о чем впоследствии никогда не вспоминали.

Автор статьи в эти годы работал в Торгпредстве СССР в Ханое и видел, что Советский Союз в лице Брежнева во всем поддержал запросы Ханоя и кратно увеличил экономическую помощь (строительство десятков промышленных и социальных объектов). Но кроме субъективных просчетов нужно отметить и объективные причины, которые трудно было предвидеть. *Во-первых*, это сложности интеграции Севера и Юга в одном государстве: в южных провинциях ускоренно проводились социалистические преобразования, со-

циальные программы типа массового переселения жителей городов в новые экономические районы, ограничения рождаемости в условиях послевоенного бэби-бума. Они потребовали больших сверхплановых затрат. *Во-вторых*, огромные потери вызвали конфликты и военные действия на границах с Камбоджей и Китаем, страна не получила обещанной США по Парижскому мирному соглашению компенсации военного ущерба в сумме 5 млрд долл.

Рыночные эксперименты, начатые после 6-го пленума ЦК КПВ (1979 г.), в том числе перевод государственных предприятий на хозрасчет, были не просто оправданны, но и необходимы, так как экономика СРВ, особенно госсектор, оказалась в тяжелой ситуации. Так, удалось найти материальные стимулы для более продуктивного труда и расширения производства, а главное — повышения уровня жизни населения, которого люди очень ждали после окончания войны, но не увидели. Однако Москва, делая вид, что поддерживает братскую компартию, не приветствовала реформы рыночного типа в любой социалистической стране, в том числе во Вьетнаме.

Вопрос в том, понимало ли руководство КПВ, что продолжение такой политики приведет к разрушению всей прежней экономической системы и в корне противоречит советской модели? Факт, что эксперименты в начале 1980-х годов были приостановлены и развернуто так называемое упорядочение (*sap ser lai*) управления экономикой. Осуждая возврат на путь централизованного управления, Фьорд характеризует директиву правительства СРВ № 100 как намного более консервативную, чем постановление № 25. По сведениям Фьорда, вьетнамцы сопротивлялись этому развороту, тогда как «советские консультанты, опираясь на силу донорской помощи, заставили их делать то, что считали правильным у себя дома»<sup>13</sup>.

*Возврат тенденции децентрализации в середине 1980-х годов и истоки «Дой мой»*

Фьорд подчеркивает, что либеральный тренд, начатый постановлением № 25, восторжествовал до VI съезда КПВ в 1986 г. Об этом свидетельствуют решение Секретариата Совмина № 306, постановления правительства № 145, 156. При этом он совсем упустил из виду не менее радикальные инициативы вице-премьера Чан Фы-

онга, осуществившего в 1985 г., правда поспешно и неудачно, основанную на рыночных идеях «реформу цен, денег и зарплаты».

Мы с этим согласны, видя причину в том, что во второй половине 1980-х годов, по мере того как в СССР велась перестройка и углублялся кризис, возможности советской помощи и влияния быстро слабели. Лидеры КПВ в таких условиях решились начать кардинальный процесс обновления в стране. КПСС же рассчитывала на поддержку реформ в СССР со стороны Вьетнама. Руководство КПВ формально выражало ее, а делало все наоборот, чем дальше, тем больше. Оно «сопротивлялось» не идеям *перестройки* в целом, а только ее политической составляющей, т. е. бесконтрольной демократизации и вседозволенности. Автор судит не понаслышке, а как свидетель, работавший в то время в Посольстве СССР в СРВ.

Фьорда особенно занимает вопрос, можно ли найти истоки политики обновления в программе советской помощи и работе советников из СССР. КПСС дала, конечно, не разрешение, а импульс поискам в духе перестройки Горбачёва. Так, документы VI съезда КПВ и программа «Дой мой» были составлены при прямом участии группы высокопоставленных советских консультантов. Полагаем, что позитивное влияние на экономические взгляды вьетнамских хозяйственников оказали отдельные советские экономисты (Л. Абалкин, С. Аганбегян и др.), выступавшие с лекциями в СРВ в 1988—1990 гг., хотя их идеи не были воплощены в самом СССР. Принципы экспортной ориентации и аграрной специализации Вьетнама на основе международного разделения труда — как предтечи его интеграции позднее в единую мировую экономику — были заложены после вступления СРВ в СЭВ в 1977 г., но и эти начинания тогда не продвинулись далеко.

В подтверждение подобного влияния СССР на реформы во Вьетнаме мы привели и другие доводы. Так, в период 1986—1989 гг. сложилась новая практика более тесной координации хозяйственного развития соцстран и механизмов управления и планирования. В СРВ от нескольких месяцев до года находились эксперты, передававшие опыт вьетнамским коллегам в ряде ключевых министерств. Они не могли предложить конструктивного плана реформ и повышения эффективности экономики, поскольку и у СССР их не было.



Горбачёв проводил перестройку прежде всего в сфере внутренней и внешней политики, в экономике же курс на так называемое *ускорение* (развития) не вылился в конкретные дела, более того, нарастающий внутренний кризис привел к распаду страны. Руководство КПСС тогда не начало переход к рыночной экономике, как в СРВ, ограничилось локальными экспериментами.

Лидеры КПВ в отличие от лидеров КПСС, выступавших за радикальные политические реформы (гласность, плюрализм, многопартийность и др.), приняли принципиально другую, «двуединую формулу»: экономические реформы должны предшествовать политическим, последние же — опираться на экономические достижения и улучшение благосостояния населения. В итоге, по определению Е. Кобелева, были сформулированы следующие основные слагаемые политики «Дой мой»<sup>14</sup>:

— осуществление радикальных, структурных экономических реформ в целях слома прежней административно-командной модели, становления рыночных отношений в экономике;

— построение «рыночного социализма» при сохранении в целом традиционного политического строя и на основе обеспечиваемой КПВ политической стабильности в обществе;

— открытая, многовекторная внешняя политика, направленная на ускоренное интегрирование страны как экономически, так и политически в мировое сообщество.

Таким образом, мы разоблачили еще один миф — не самый известный на Западе, но широко распространявшийся в СССР: Горбачёвскую перестройку и вьетнамское обновление неправомерно отождествлять. И это благо для вьетнамцев, их заслуга, как стало очевидно сегодня.

## Неучтенные факторы перехода к политике «Дой мой»

В целом вопрос внешнего воздействия на проведение реформ в СРВ, по нашему мнению, следует рассматривать шире. *Во-первых*, во Вьетнаме в конце 1980-х годов признавали, что очень много

идей заимствовали из опыта НЭПа (новой экономической политики) 1924—1927 гг. — раннего советского периода реформ, насильственно прерванного Сталиным именно ввиду опасности возрождения капитализма в России. *Во-вторых*, хотя об этом неохотно говорят в Ханое, на вьетнамскую почву была перенесена успешная модель рыночных реформ первой половины 1980-х годов в соседнем Китае, привлекательная тем, что она реализована в очень похожих условиях.

*В-третьих*, и на этот счет не только нет мифов, но, наоборот, по понятным причинам хранится полное молчание, в СРВ в 1990-е годы восстановлены механизмы капиталистической экономики, открыто поддерживавшиеся населением южной части страны, а по мере активизации его контактов с северянами признанные и в северной части. Применение этих механизмов и практики начало распространяться в северных провинциях стихийно, снизу, после того, как в южных их не удалось ликвидировать во время социалистических преобразований 1977—1979 гг. Лидеры КПВ—СРВ не могли сделать по своей природе в 1986 г. сознательного выбора в пользу капитализма. Они были вынуждены одобрить и оформить инициативы снизу, согласиться на широкомасштабное внедрение рыночных отношений, чтобы преодолеть экономический кризис в стране. Эксперименты подтвердили эффективность давно проверенных механизмов, и по мере подъема экономики и улучшения жизни населения — в духе свойственного КПВ прагматизма — они превратились в полномасштабную политику реформ.

Обосновывая эту политику, руководство КПВ проявило находчивость и гибкость, приводя в пример не сайгонский режим, а всеми признанный и реальный опыт подъема экономики Сингапура правительством во главе с Ли Куан Ю, других азиатских стран — новых «тигров». Конечно, отказ от традиционной модели социализма потребовал от Ханоя не только большой смелости, но и скрытности. Ни в одном документе той поры мы не увидим прямых призывов отойти от прежней ориентации, потому что сами инициаторы политики обновления как коммунисты не могли сказать об этом прямо, а возможно, слабо представляли, в чем конкретно это обновление должно проявляться. Первые кардинально новые формулировки

появились только в Конституции 1992 г. Но и до сих пор фактическое направление развития глубоко завуалировано курсом на построение рыночной экономики «социалистической ориентации».

## Заключение

В комплексе все разобранные мифы сводятся к устоявшемуся на Западе убеждению, что руководство ДРВ и Хо Ши Мин — «агенты Кремля» и проводники его указаний. Мы считаем, что такое восприятие возникло у западных политиков и ученых по аналогии с сайгонским режимом, который действительно был полностью подчинен интересам и управлению США. Лидеры же КПВ всегда при принятии ключевых решений исходили из общенациональных интересов, направляли получаемую от соцстран помощь на их удовлетворение, учитывали реальную ситуацию, видя в политике «искусство возможного». Без этой легитимации своей власти КПВ не смогла бы привести Вьетнам к победе в тотальном противостоянии с США и остаться у власти. До и после объединения страны Компартия вела свою линию, как правило, без оглядки на то, понравятся ли она одному из двух социалистических гигантов — СССР или КНР. Поэтому советские рецепты ДРВ/СРВ не навязывались, так как не могли быть полностью приняты.

Вместе с тем, влияние советской модели на северовьетнамскую экономику — не миф, а правда в том смысле, что руководство ДРВ до 1975 г. и СРВ до 1986 г. следовало тем рецептам построения самостоятельного экономического комплекса, которые не только реализовались в СССР при Сталине и после него, но и были адаптированы в Китае с поправками на местную специфику. Социально-экономическая политика КПВ — результат использования (смесь) не только, иногда даже не столько советского, но и китайского опыта. Ввиду поддержки США в Южном Вьетнаме режима с противоположной идеологией и экономической моделью, другого пути экономического выживания и развития — кроме строительства социализма по примеру СССР и Китая — у Ханоя просто не было.

С 1986 г., а фактически с конца 1970-х годов в СРВ начали проводиться рыночные эксперименты, произошел отход от прежней

экономической модели социализма. Это не нашло поддержки у руководства КПСС, вызвало осуждение советской стороны, хотя запреты, как и прежде — в случаях с Югославией, Румынией, КНДР — не применялись.

А.Фьорд полагает, что рыночные отношения были распространены на севере страны и до начала политики обновления больше, чем принято считать и чем позволяла экономическая логика советской теории построения социализма. По его мнению, они, в известной мере, снизили политическое давление в ходе «форсированной индустриализации», сдержав падение реальных доходов и запасов риса у коллективизированного крестьянства. Он объясняет переход Вьетнама «от плана к рынку», в первую очередь, стихийными процессами снизу, т. е. адаптационными способностями местной экономики, и особо выделяет переломное значение пленума ЦК КПВ 1979 г.

Из проведенного исследования А. Фьорд сделал вывод, что «вьетнамцев почти невозможно заставить делать то, чего они не хотят делать, остановить в тех начинаниях, которые они хотят выполнить». На этом основании он признал возможным понять их, только анализируя конкретные действия КПВ. Низводя внешнее воздействие до минимума, наш оппонент видит в неприятии выдвинутой им аксиомы причину ошибочных оценок программ советской помощи или влияния иных внешних факторов как возможных истоков политики «Дой мой»<sup>15</sup>.

По мнению автора настоящей статьи, полностью отрицать **зависимость политики вьетнамского руководства** от внешних факторов — чрезмерное преувеличение. Ни одна страна в мире не способна избежать такого влияния, причем — по мере глобализации — чем дальше, тем больше. Об этом говорят примеры даже стран, поддерживающих полную самоизоляцию, типа КНДР. Если пытаться объяснить политику Ханоя только внутривьетнамскими событиями, причем с учетом сложности их понимания зарубежными экспертами, то тогда окажется невозможным предвидеть развитие ситуации в этой стране и влиять на нее в интересах внешних партнеров. Сегодня такое влияние, причем в противоположном прежнему направлении, очевидно. Именно из посылки о его возможности и необходи-

мости исходит ставшая популярной концепция «мягкой силы», которую активно применяют Китай, США, а в последнее время и Россия. Вряд ли, в частности, разумно не признавать, что массовое обучение вьетнамской молодежи в зарубежных вузах, будь то советских прежде или американских и австралийских теперь, формирует социальную базу для внедрения институтов и идей этих стран во Вьетнаме.

Исходя из указанных соображений, нами сделан вывод о необходимости изучать не только внутренние, но и внешние факторы, определяющие политику КПВ. Представляется важным найти способы измерения и сравнения методов внешнего воздействия, выявления их результативности и вклада, который, по нашим предположениям, должен составлять не менее 50 %. Ведь в данном случае речь идет о такой важнейшей для руководства Вьетнама задаче, как сохранение национальной идентичности и независимости.

### Список использованной литературы

- Аносова Л.А.* Промышленность Демократической Республики Вьетнам (1954—1965). М.: Наука, 1973.
- Глазунов Е.П.* В дни войны и мира (заметки свидетеля). М., 2010.
- Глазунов Е.П.* Пятилетие крутых перемен (заметки свидетеля). М., 2016.
- Дипломаты вспоминают. Мир глазами ветеранов дипломатической службы. М., 2000.
- История Вьетнама в новейшее время (1917—1965). М.: Наука, 1970.
- Новакова О.В., Цветов П.Ю.* История Вьетнама. Ч. 2. М.: изд-во МГУ, 1995.
- Новейшая история Вьетнама. М.: Наука, 1984.
- Хо Ши Мин.* Полное собр. соч. Т. 10. Цитируется по: *Хо Ши Мин.* Политическая биография и его наследие. К 120-летию со дня рождения / отв. ред. Е.В. Кобелев. М.: ОРВД-ИДВ, 2010.
- Đạm Văn Huệ & Lê Sĩ Thiệp. Kết hợp lợi ích của tập thể người lao động trong công nghiệp địa phương // Nghiên cứu Kinh tế. 1981. № 5 (10) : [Сочетание интересов трудовых коллективов в местной промышленности // Экономические исследования].

Định Thu Cục. Quá trình từng bước củng cố và hoàn thiện quan hệ sản xuất xã hội chủ nghĩa trong các hợp tác xã sản xuất nông nghiệp ở miền bắc nước ta // Nghiên cứu Lịch sử. 1977. № 175 (07—08) : [Процесс поэтапного укрепления и совершенствования социалистических производственных отношений в сельскохозяйственных производственных кооперативах на севере нашей страны // Исторические исследования].

*Fforde, Adam.* Vietnamese State Industry and the Political Economy of Commercial Renaissance: Dragon's tooth or curate's egg? Oxford: Chandos, 2007.

*Hung Nguyen Tien.* Economic development of socialist Vietnam, 1955—80. New York: Praeger, 1977.

*Mazyrin V.M.* Chính sách kinh tế của Việt Nam Dân chủ Cộng hòa: Lý luận và thực tiễn của Hồ Chí Minh (1945—1969) // Di sản tư tưởng Hồ Chí Minh và thời đại ngày nay. Hội thảo khoa học quốc tế kỷ niệm 125 năm Ngày sinh của Hồ Chí Minh (Мазырин В.М. Экономическая политика ДРВ: теория и практика Хо Ши Мина (1945—1969 гг.) // Материалы международной конференции к 125-летию Хо Ши Мина). Hà Nội, Nhà xuất bản Lý Luận chính trị, 2016. Tr. 263—277.

Số liệu thống kê. 3 năm cải tạo phát triển kinh tế, phát triển văn hóa của nước Việt Nam Dân Chủ Cộng Hòa (Статистические данные. Трехлетний план преобразования и развития экономики и культуры ДРВ). Hà Nội: Nhà xuất bản Sự thật, 1961.

### Примечания

<sup>1</sup> Итоги этого исследования изложены в статье, подготовленной для публикации в коллективной монографии в Норвегии: Vladimir Mazyrin and Adam Fforde. Soviet influence on Vietnamese development policy — some myths // Mythbusting Vietnam: Facts, Fictions, Fantasies. Ed. By Catharine Earl. NIAS, 2017. 260 p.

<sup>2</sup> *Mazyrin V. and Fforde A.* Soviet influence on Vietnamese development policy — some myths. Op. cit. P. 97.

<sup>3</sup> История Вьетнама в новейшее время (1917—1965). М.: Наука, 1970. С. 340.

<sup>4</sup> *Глазунов Е.П.* Пятилетие крутых перемен (заметки свидетеля). М.: ОРВД, 2016. С. 32.

<sup>5</sup> *Mazyrin V.M.* Chính sách kinh tế của Việt Nam Dân chủ Cộng hòa: Lý luận và thực tiễn của Hồ Chí Minh (1945—1969) // Di sản tư tưởng Hồ Chí Minh và thời đại ngày nay. Hà Nội: Nhà xuất bản Lý Luận chính trị, 2016. Tr. 264.

<sup>6</sup> *Hung G. Nguyen Tien. Economic development of socialist Vietnam, 1955—80.* New York: Praeger, 1977. P. 55.

<sup>7</sup> История Вьетнама в новейшее время (1917—1965). М.: Наука, 1970. С. 251.

<sup>8</sup> *Новакова О.В., Цветов П.Ю.* История Вьетнама. Ч. 2. М.: изд-во МГУ, 1995. С. 227.

<sup>9</sup> *Хо Ши Мин.* Полное собр. соч. (на вьетн. яз.). Т. 10. С. 544—545.

<sup>10</sup> *Mazyrin V.M.* Chính sách kinh tế của Việt Nam Dân chủ Cộng hòa. Op. cit. Tr. 273.

<sup>11</sup> Định Thu Cúc. Quá trình từng bước củng cố và hoàn thiện quan hệ sản xuất xã hội chủ nghĩa trong các hợp tác xã sản xuất nông nghiệp ở miền bắc nước ta // Nghiên cứu Lịch sử. 1977. № 175.

<sup>12</sup> Новейшая история Вьетнама. М.: Наука, 1984. С. 48.

<sup>13</sup> *Mazyrin V. and Fforde A.* Soviet influence on Vietnamese development policy — some myths. Op. cit. P. 108.

<sup>14</sup> *Кобелев Е.В.* Современный Вьетнам: реформы, обновление, модернизация (1986—1997). М.: ИВ РАН. 1999. С. 6.

<sup>15</sup> *Mazyrin V. and Fforde A.* Soviet influence on Vietnamese development policy — some myths. Op. cit. P. 111.